

1830

«Апогей самодержавия»

Вечером 29 ноября 1830 г. молодой офицер польской армии Петр Высоцкий объявил еще более молодым учащимся Варшавской школы подпрапорщиков: «Братья, час свободы пробил!» Повстанцы пошли на штурм гвардейских казарм, а отряд из 14 заговорщиков отправился на захват резиденции русского наместника в Царстве Польском великого князя Константина Павловича. Сообщники отперли им решетки Бельведерского дворца, но Константин успел выскочить в ночном халате и спрятаться. Пока русские полки, не получая никаких приказов, бездействовали, варшавские студенты, мещане и рабочие захватили город. Потрясенный восстанием своих «детей» (Константин искренне считал себя «большим поляком», чем они сами), наместник без боя вывел свои части из города — а затем русские войска и чиновники ушли из Царства Польского.

Ветеран наполеоновских войн генерал Юзеф Хлопицкий, не желавший принять звание главнокомандующего от «бунтовщиков», принял его от имени польского правительства, провозгласил себя диктатором — но все же немедленно отправил посольство к законному польскому королю Николаю I. Требования восставшей Польши можно было бы назвать умеренными (послы просили о соблюдении конституции 1815 г., о свободе и гласности заседаний сейма, о вотировании налогов палатами и об охране королевства исключительно польскими войсками), если бы не стремление вернуть границы Речи Посполитой 1772 г., т. е. вернуть Украину и Белоруссию.

Возникший призрак былого величия Речи Посполитой губил дело независимости. На такую капитуляцию император пойти не мог — как не могло ее признать и российское общество. Посольство завершилось безрезультатно, и царь в манифесте от 24 декабря 1830 г. заклеил неблагодарных подданных, «осмелившихся диктовать условия своему законному государю». После чего восставшие лишили его польской короны. Но превратить восстание в народную войну члены польского сейма и руководители польского правительства боялись больше всего.

Сеймовые дебаты о крестьянской реформе завершились безрезультатно и оттолкнули крестьянство от шляхетского восстания»: «Наварили себе паны пива, так сами его и пейте».

Спор «братьев-славян» должен был решаться оружием. Перевес сил явно был на стороне Николая, но после отчаянного сопротивления поляков в битве при Грохове в феврале 1831 г. русские войска, уже было занявшие восточное предместье Варшавы, вынуждены были отступить. Польское командование весной пыталось — и не без успеха — перехватить инициативу: армия восставших была доведена почти до 80 тыс. человек; польская конница вторглась на Волынь и в Литву.

В эти дни Николай подал своему «отцу-командиру», фельдмаршалу И.Ф. Паскевичу, записку о необходимости «ухода» России из Польши:

«Оставаясь верным вышеуказанному началу, в силу которого следует сообразоваться исключительно с истинными интересами России, я полагаю, что единственный способ рассмотреть этот вопрос и действительно уяснить его себе, следующий: Россия — держава могущественная и счастливая сама по себе; она никогда не должна быть угрозой ни для своих соседей, ни для Европы. Но оборонительное ее положение должно быть настолько внушительно, чтобы сделать всякое нападение невозможным. Бросая взгляд на карту, страшно становится, видя, что граница польской территории Империи доходит почти до Одера, между тем как на флангах она отступает за Неман и Буг, чтобы упереться близ Полангена в Балтийское море и у устьев Дуная в Черное море. В этой выдающейся части находится население существенно враждебное к России и потому требуется армия для удержания его в подчинении. Эта страна ничего не приносит Империи, напротив, она не может существовать иначе, как посредством постоянных жертв со стороны Империи, чтобы дать ей возможность содержать свое собственное управление. Таким образом ясно, что выгоды от этого беспокойного владения ничтожны, между тем как неудобства велики и даже опасны. Остается решить как посодействовать этому. Я тут не вижу другого средства, кроме следующего:

Объявить, что честь России получила полное удовлетворение завоеванием Царства Польского, что Россия не имеет никакого интереса владеть провинциями, неблагодарность которых была так очевидна, что истинные ее интересы требуют установить и утвердить свою границу по Висле и Нареву, что она предоставляет остальное, как недостойное принадлежать ей, своим союзникам, которые могут сделать из него все, что им покажется нужным» (Щербатов А.Г. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. СПб., 1894. Т. 4. С. 174).

Шаг был неожиданным — со стороны фигуры, как будто хрестоматийно известной в качестве тупого солдафона, только что потопившего в крови восстание декабристов, и «жандарма Европы». Но он показал и другого Николая — человека, способного на уступки и реформы.

Этим планом российский самодержец не только показывал, что готов предоставить Польше свободу — он, по-видимому, искренне считал, что «пользы от приобретения никакой, только ущерб, в том числе промышленности». По сути дела Николай высказал намерение «сдать» всю выстроенную его предшественниками после эпохи наполеоновских войн систему устройства Центральной Европы.

Распался бы союз «трех черных орлов» — Австрии, Пруссии и России, основанный на совместных разделах Польши в XVIII в. и на совместной борьбе с либеральными попытками преобразования европейских абсолютистских режимов в рамках «Священного союза». Борьба за оставленные русскими войсками польские земли, безусловно, обострила бы противоречия между Берлином и Веной, которым таким образом передавалась роль главных «держиморд» в Европе. Россия бы навсегда освобождалась и от сомнительной чести быть «жандармом Европы», и от «неблагодарных» провинций. Не было бы в наших с Польшей отношениях ни подавления нового польского восстания 1863—1864 гг., ни безнадежной попытки русификации «привислинского края» — с обучением на русском языке в Варшавском университете и возведением помпезного православного собора в центре польской столицы. Воссоздание Польши столетием раньше если бы и не уничтожило вовсе, то существенно смягчило противостояние

«братьев-славян» в XX в. с его очередной русско-польской войной 1920 г., пресловутым «четвертым разделом» в 1939 г. и катынской трагедией.

Как бы изменилась международная ситуация — да и положение в самой России — под влиянием такого резкого поворота, нам знать не дано. Окружение царя к такой радикальной мере было явно не готово. «Отец-командир» Паскевич царский проект раскритиковал и предложил более привычный путь территориальных комбинаций: отдать Пруссии левый берег Вислы, а Австрии Краков, но в обмен получить от первой часть Восточной Пруссии с Мемелем (нынешней Клайпедой), а от второй — Восточную Галицию. Пока стороны обсуждали возможную дележку, ситуация вновь изменилась — польская армия проиграла кровопролитное сражение при Остроленке, и войска Паскевича двинулись на Варшаву.

Утром 25 августа 1831 г. 400 русских орудий открыли огонь; русские полки под грохот барабанов и полковых оркестров атаковали варшавские укрепления и взяли их в штыки. Завязались бесплодные переговоры — но теперь речь шла уже только о капитуляции. На следующий день Паскевич вступил в город и написал царю: «Варшава у ног вашего величества». Прежние планы были забыты; победитель Паскевич рекомендовал уничтожить Царство Польское с его «представительным правлением», а поляков «за вероломство и неблагодарность искоренить с лица земли».

Что и было сделано — в меру возможностей. Польская государственность с ее конституцией, подавшая в свое время немало надежд насчет введения «законно-свободных» учреждений в самой России, была «искоренена». Но поляков превратить в благонамеренных подданных так и не удалось — Польша на протяжении всего существования монархии сделалась ее постоянной головной болью. От разгрома 1831 г. Россия теряла почти столько же, сколько и сама Польша: парламентский опыт, испробованный в Варшаве, неизбежно был бы ориентиром для российского общества, да и для самой власти, вынужденной оглядываться на общественное мнение.

Польская война пробудила исторические страхи времен Смуты и вызвала мощную волну патриотических чувств, захлестнувшую все сословия: «И какое русское сердце, чистое от заразы общемирного гражданства, не забилось сильнее при первом известии о восстании Польши? Низкопоклонная, невежественная шляхта, искони подстре-

каемая и руководимая женщинами, господствует над ее мыслями и делами, осмеливается требовать у России того, что сам Наполеон, предводительствовавший всеми силами Европы, совестился явно требовать, силится исторгнуть — и не мог! Давыдов скачет в Польшу». Вслед за поэтом-гусаром Денисом Давыдовым усмирять восстание пошли многие из тех, кто еще недавно сочувствовал либеральным идеям. Другие же «поскакали» на Польшу в прессе, стихах, лубочных книжках и толстых журналах. Именно на этой волне утвердилась и овладела умами и душами даже честных и талантливых русских людей идеологическая доктрина николаевского царствования — пресловутая триада: «самодержавие, православие, народность». Патриотически подъем прочно связал славу и величие страны с самодержавием, которое потерпело очередную победу.

«Дух времени» или николаевская модернизация

Но ведь могло быть и иначе. Забытый эпизод с попыткой «отпустить» Польшу показал неоднозначность николаевского правления — во всяком случае, в его первые годы. Традиционно воспринимаемое как эпоха крепостнического застоя, царствование Николая I (1825—1855) поражает внутренней противоречивостью: золотой век русской культуры — и вопиющее крепостничество; систематизация законов — и неприкрытый произвол власти; высокий международный престиж — и позорный разгром в Крымской войне.

Эти противоречия уживались даже в казавшейся монолитной фигуре императора — статного красавца, от грозного взора которого, бывало, старые служаки падали в обморок. Николай называл себя «солдатом в душе», демонстративно спал в Зимнем дворце на походной кровати и называл государство по-военному: «моя команда». Но он, кажется, был вторым — после Петра I — правителем-«технарем», который понимал и ценил практические знания и техническое образование: именно при нем были основаны Технологический институт в Петербурге (1828) и Техническое училище в Москве (1830), Институт гражданских инженеров (1842), Межевой институт (1844), Лесной институт (1848). В 1833 г. Николай по случаю открытия промышленной выставки пригласил ее участников на обед в Зимний дворец и провозгласил тост «за здоровье московских фабрикантов и всей ману-

фактурной промышленности». В 20—30-е гг. XIX в. для российского купечества стали издаваться «Коммерческая газета», «Журнал мануфактур и торговли».

Император не раз провозглашал, что «революция на пороге России, но не проникнет в нее, пока в нем сохранится дыхание жизни». Однако как раз при Николае в России незаметно началась другая, научно-техническая революция, или промышленный переворот — переход от мануфактуры с ручным трудом к фабрике с системой машин. В 1834—1835 гг. на заводе в Нижнем Тагиле были построены первая в России железная дорога и паровоз мастеров Черепановых. В 1843 г. была проложена первая телеграфная линия между Петербургом и Царским Селом. По Волге пошли пароходы общества «Меркурий» (в будущем — «Кавказ и Меркурий»).

По мнению некоторых историков, этот процесс начался в 30-е гг. XIX в.; другие относят его к середине столетия. Но, так или иначе, к 1860 г. в России было уже 423 фабрики, в том числе были основаны первые машиностроительные заводы. Появились и новые промышленные центры: быстро рос Петербург; село Иваново, где уже действовали 125 ситценабивных и бумаготкацких фабрик, стало в 1853 г. городом. С 1801 по 1860 г. обороты русской внешней торговли выросли в 3 раза. На первые места в российском импорте выходили хлопок, красители, машины и станки. Таможенные тарифы второй четверти XIX в. неизменно носили протекционистский характер — защищали отечественного производителя.

«Дух времени» постепенно менял привычный уклад жизни, прежде всего в больших городах. В 40-х гг. XIX в. появился первый общественный транспорт на конной тяге — дилижансы на 10—12 чел. и более вместительные omnibusы, пассажиров которых остряки окрестили «40 мучениками». На городских окраинах появились первые фабричные корпуса, на главных улицах — магазины, приходившие на смену лавкам и ярмаркам; средоточием «модной торговли» стал в Москве Кузнецкий Мост. Россияне стали покупать отечественные спички и класть в чай свекловичный сахар, переставший быть экзотическим «колониальным товаром».

В начале 50-х гг. XIX в. в Санкт-Петербурге открывалось ежегодно по три новых гостиницы, предназначенных для деловых людей и приличных «вожиров». Для таких же солидных горожан в 1841 г. «высочайше разрешено» учредить новые заведения под названием

«кафе-ресторант» с продажей «чая, кофе, шоколада, глинтвейна, конфетов и разного пирожного, бульона, бифштекса и других припасов, потребных для легких закусок». Посетители имели возможность почитать российские и иностранные (естественно, дозволенные правительством) газеты, а также сыграть в бильярд, кегли, домино и шахматы. Открылись фешенебельные «ресторации», которые считались уровнем выше прочих заведений: они предлагали посетителям иностранную кухню и вина; входить туда могли только лица «в пристойной одежде и наружной благовидности» — правда, за исключением женщин, вход которым в такие заведения был запрещен.

Появились городские общественные банки (в Вологде, Осташкове, Иркутске), биржи (в Одессе, Варшаве, Москве) для оптовой продажи промышленных и сельскохозяйственных товаров. В 1827 г. возникло первое «Российское страховое от огня общество». В 1836 г. появился первый закон об акционерных обществах. В 1842 г. открылись первые сберегательные кассы. В круг новых интересов втягивается и дворянство. Так, управляющий знаменитым III отделением «собственной его императорского величества канцелярии» Л.В. Дубельт одновременно состоял пайщиком сибирской золотопромышленной компании, а его шеф А.Х. Бенкендорф — членом правления страхового общества в Петербурге, которые, надо полагать, были весьма заинтересованы в таких акционерах.

С началом промышленного переворота и хозяйственного подъема появились новые общественные группы, которым не находилось места в старом сословном делении, — буржуазия, научная и техническая интеллигенция, частнопрактикующие врачи, юристы, служащие, мелкие предприниматели и торговцы. Правительство должно было учитывать эту реальность. С 1818 г. крестьяне могли свободно заводить фабрики в деревнях, где часто и возникали новые производства вблизи сырья и дешевых рабочих рук; в 1827 г. неслужащим дворянам разрешили «записываться» в купеческие гильдии — а ведь полувеком ранее Екатерина II искренне считала таких дворян сумасшедшими. Появились первые законы о рабочих и о проститутках, существование которых пришлось официально узаконить. Манифест 1832 г. устанавливал новое городское сословие свободных от подушной подати и телесных наказаний «почетных граждан», куда включались предприниматели из купечества, служащие, дипломированные специалисты, ученые, художники. Заодно в 1845—1847 гг. от порки были освобождены меша-

не, окончившие гимназии и высшие учебные заведения лица непривилегированных сословий и... русские писатели.

Попытки включить нарождавшиеся новые общественные слои в жесткую сословную структуру были относительно удачными, т. к. они еще не представляли общественной силы — на 72 млн населения в николаевской России приходилось всего 22 тыс. почетных граждан. Круг интересов российского «третьего сословия» был еще весьма ограниченным.

«1840 год. Господи благословил меня, перешедшего из 40-ка летнего мещанского сословия ныне на наступающей 1841 год в чухломские 3-й гильдии купцы...

1841 год. Февраля 4-го дня во вторник на масляной продано из лавки товару 1068 руб. 29 коп., более всех прочих годов.

Потому, что у нас ныне крупный сухой судак был почти у одних, коего куплено к масляной 150 пудов, стерлядей осталось на великий пост не более 12 пуд. 14 фунт., судаков сухих не более 50 пудов с мелкими, коих было и означенных 150-ти пудов еще мелких 60 пудов. Итого вышло перед масляной и на масляной рыбы, судаков сухих, 160 пуд, стерлядей 80 пуд, севрюги коренной 76 пуд, малосольной, 24 пуд. 38 фунт. Судаков свежих, 15 пудов. А без меня 15 числа января в четверг был выбран я городским обществом в городские головы, которое почтило выбором^ («Памятная книга города Чухломы мещанина Ивана Васильевича Июдина, с 1841 года купца, содержащая на 50 листе рождения детей и разные для его и семейства его прошедшие сличай и достопамятные дела и мысли, к склонности его ума относящиеся* //Губернский дом. Кострома, 2001. № 3. С. 36).

«25 Октября. Был на вечеринке у Пелагеи Семеновны по зову, где было много хорошеньких нимфочек, с коими танцевали, веселились и шутили; и я очень был весел, потому что прежде были в желтом доме, где полдюжины осушили залихватского пива. На вечеринке ж были недолго, потому, что время нас призывало в желтый дом, где у нас удовольствия рекою протекали; но, однако, мы все осушили, т. е. две бутылки цымянского и 5 бут. меду. Но я остался чист, т. е. не проиграл ни копейки. На вечеринке ж кто то еще при нас выбил

стекла и чуть-чуть не ушиб милых существ» (Дневник опочечкокого обывателя Ивана Игнатьевича Лапина, веденный с 1817 по 1836гг. //Труды Псковского археологического общества. Псков. 1915. Вып. 11. С. 69).

Российский обыватель в меру наживался и веселился, почитывая романы Загоскина и Фаддея Булгарина. Но в сфере технического прогресса Россия стала утрачивать завоеванные в XVIII в. позиции. По производству железа в результате промышленной революции Англия в начале XIX в. (250 тыс. тонн) оставила Россию далеко позади (160 тыс. тонн) и вытеснила ее с мировых рынков. К 1860 г., несмотря на все успехи, общий объем промышленной продукции России составлял 1,7% мирового производства и уступал той же Англии в 18 раз. Войну 1812—1815 гг. Россия и Франция вели одинаковым оружием, однако, уже к середине века Англия и Франция обладали качественно новым паровым флотом и нарезными винтовками; в России же при колоссальных расходах на армию (в мирное время — 40—50% бюджета) на создание новых видов оружия тратилось только 3% от этой суммы.

В военно-технической сфере количественный и качественный рост производства тормозился системой казенных заказов и дотаций отсталым уральским заводам. Развитию других отраслей при очевидном преимуществе вольнонаемного труда (его производительность была в 2—3 раза выше подневольного) препятствовал весь крепостнический уклад империи. «Новые русские», т. е. в ту пору крепостные предприниматели (Морозовы, Прохоровы) вынуждены были скрывать свои капиталы, заключать сделки через подставных лиц, «откупаться» от рекрутской повинности, при этом находясь в полной зависимости от барина. Система паспортов и отпускных «билетов» мешала формированию рынка рабочей силы, да и барин в любое время мог вернуть своих отходников; так что пришлось издавать специальный закон 1835 г., запрещающий помещикам отзывать их крепостных до истечения срока договора с владельцами фабрик. В то время случались анекдотические ситуации, когда крепостной «фабрикант» на свое предприятие, юридически принадлежавшее барину, нанимал крепостных односельчан (зарплату они отдавали помещику в качестве оброка), а своего барина «устроивал на работу» в качестве надсмотрщика за собственными крепостными, сам при этом оставаясь его собственностью. На казенном языке учебников это в советское время

называлось «несоответствием производительных сил производственным отношениям».

«Крестьянский вопрос»

Российский барин находился, как правило, на службе, но помимо жалованья получал доход от имения в виде оброка (более характерного для Нечерноземья), барщины (на плодородных землях) или их сочетания. В большинстве случаев хозяйством повседневно он не занимался — на то были управители и старосты — но и расходов не нес, ведь труд крепостных был даровым. Увеличивались посевные площади за счет освоения районов Южной Украины и Северного Кавказа. Появились новые культуры: картофель, подсолнечник, сахарная свекла. С 20 до 70 млн пудов вырос экспорт хлеба; увеличился его оборот на внутреннем рынке — ввоз сельскохозяйственной продукции в Москву возрос в первой половине века в 5 раз. В нечерноземных губерниях начался массовый отход на промыслы и заработки: в «отходниках» к середине XIX в. числилось 1300 тыс. крестьян.

Как известно, 18-летний Евгений Онегин «был глубокий эконом» и хорошо знал, что основу национального богатства составляет не «золото», а «простой продукт» сельского хозяйства. Но «Отец понять его не смог / И земли отдавал в залог». Роман Пушкина не случайно назван «энциклопедией русской жизни». Быт светского человека в столице (ресторан, театр, бал, роскошный кабинет, «в последнем вкусе туалет», модная стрижка, заботы иностранцев-губернеров, содержание дома, слуг, лошадей для выезда) неизбежно требовал постоянных и значительных расходов. Для этого «простой продукт» из вотчины надо было реализовать на рынке. Но трудно представить Онегина интересующимся ценами на рожь на бирже или Пьера Безухова, в компании с Анатолем Курагиным торгующим свеклой или водкой. Только немногие хозяева пытались заниматься агрономией и покупали первые сельскохозяйственные машины. Но интенсификация крепостного хозяйства наталкивалась на незаинтересованность крепостных в более производительном труде.

Большинство помещиков предпочитали идти простым путем: повышали денежные оброки (в имениях графа Воронцова они возросли в 5—6 раз, у князя Юсупова — в 19 раз) и увеличивали бар-

щину до 5—6 десятин на крестьянский двор. Расширение барской запашки и увеличение повинностей давали кратковременный эффект, но в итоге разоряли и крестьян, и самого помещика. Приходилось делать займы у «процентчиков» или, как отец Онегина, «жить долгами», т. е. закладывать земли и крестьян в Государственный заемный банк или Опекунский совет. Так поступил и помещик Александр Сергеевич Пушкин: в 1831 г. перед свадьбой с Натальей Николаевной Гончаровой он заложил свое село Кистенево с 200 «душ» за 40 тыс. рублей.

Предполагалось, что на полученные средства помещик улучшал свое хозяйство, но на деле он, как родитель Евгения Онегина, «давал три бала ежегодно / И промотался наконец», — в результате чего сын отказался от обремененного долгами наследства. Онегину еще повезло — досталось имение дяди; другим приходилось рассчитывать с долгами: «Левочка, неужели и теперь будет у тебя выходить по 1000 рублей серебром в месяц?.. Уж конечно ты бы убавил лошадей и людей... Сколько ты получил и сколько уплатил из долгов своих?» — переживала жена жандармского генерала Л.В. Дубельта. А Дубельт, помимо акций и немалого жалованья, был еще и владельцем 2 тыс. «душ». 70% российских помещиков были мелкопоместными (до 20 «душ»), как Н.В. Гоголь и герои его «Мертвых душ», и «жить по-дворянски» им было еще сложнее.

К концу дореформенной эпохи помещики заложили 7,1 млн «душ», т. е. 65% всех помещичьих крестьян в России. «Бизнес» Павла Ивановича Чичикова как раз и состоял в том, чтобы таким образом выручить по 40—60 рублей за каждую почти даром доставшуюся ему «мертвую душу».

В начале николаевской эпохи правительство задумалось над решением «крестьянского вопроса», чему способствовали и крестьянские волнения: мужики верили, что новый государь после коронации переведет их в казенное ведомство с «прощением» всех государственных податей, а «посему больше работать и платить помещикам оброков не следует». Сам Николай искренне хотел отменить крепостное право, называл его «злом» и, показывая на тома собранных им материалов по этому вопросу, говорил, что собирается «вести процесс против крепостного права». Он еще в 1827 г. предложил «составить проект закона для прекращения личной продажи людей». Но здесь российский самодержец впервые столкнулся с почтительной, но жест-

кой оппозицией своих слуг. Члены Государственного совета указали монарху, что «существующая в России система крепостничества тесно связана со всеми частями государственного тела: правительственной, кредитной, финансовой, права собственности и права наследственного». Поэтому, признавая совершенно необходимым создание нового закона о состояниях, они считали наиболее правильным не спешить и поручить анализ имеющихся материалов и подготовку проекта закона особому Комитету.

Началась неспешная подготовка проектов, которые долго путешествовали по высоким инстанциям. Они даже посылались в Варшаву к великому князю Константину, полагавшему, что крепостное право является «заповедным наследством... древнего порядка главных состояний» и тесно связано с «твердостью» государственного строя. Вследствие этого, с его точки зрения, все преобразования следует «отдать на суд времени». Затянувшиеся дискуссии в Департаменте законов и Общем собрании Государственного совета закончились только в 1833 г. Николай I подписал указ о запрещении продажи помещичьих крестьян без земли и дворовых за частные долги их владельцев и запрете разделения семей — с разрешающими это делать оговорками: при передаче по наследству, в качестве дара или приданого.

В дальнейшей ситуации повторялась неоднократно. Для решения «заколдованного» крестьянского вопроса последовательно создавались девять «секретных комитетов» из высших чиновников. Итогом была реформа управления государственными крестьянами 1837—1841 гг.: над волостным крестьянским самоуправлением были поставлены губернские палаты и Министерство государственных имуществ. Крестьянам было передано 5 млн десятин земли, для них создавались на случай неурожая «хлебные магазины» — склады и вводились принудительные посевы картошки, что вызвало «картофельные бунты» на Урале и в Поволжье. Но по отношению к крепостным правительство ограничивалось полумерами: запрещено было продавать крестьян без семьи; крепостные получили право выкупаться на свободу при продаже имения с торгов, приобретать недвижимую собственность с согласия помещиков.

Почему же назревшие и частично даже подготовленные реформы ни при «либеральном» Александре I, ни при консерваторе Николае I так и не были осуществлены? Александр I не случайно говорил об отсутствии «деловых людей»: в среде высшей бюрократии не более де-

сятка человек сочувствовали реформам, остальные — около 700 — им активно сопротивлялись. Чиновники, реально имевшие власть (министры, губернаторы, директора департаментов, высшее военное начальство), — потомственные дворяне, крупные и средние землевладельцы совершенно не стремились к радикальной перестройке и больше всего боялись, что она может вызвать социальные потрясения. Их настроения отразил крупный чиновник Модест Корф: «...не трогать ни части, ни целого; так мы, может быть, более проживем». Попытки преобразований тонули в недрах секретных комитетов, состоявших из тех же сановников.

Речь Николая I в заседании Государственного совета 30 марта 1842 года: «Но если нынешнее положение таково, что оно не может продолжаться, и если вместе с тем и решительные к прекращению его способы также невозможны без общего потрясения, то необходимо, по крайней мере, приготовить пути для постепенного перехода к другому порядку вещей и, не утрущаясь перед всякой переменой, хладнокровно обсудить ее пользу и последствия. Не должно давать вольности, но должно проложить дорогу к переходному состоянию, а с ним связать ненарушимое охранение вотчинной собственности на землю».

На министров можно было и прикрикнуть — Николай умел это делать. Однако он сам не мог просто перешагнуть через интересы дворянства — и это заставляло его откладывать решительные меры в отношении крепостного права. К тому же к реформам не была готова большая часть дворян. Молодой Александр Герцен и его друзья-студенты стыдились карательной политики царизма: «Мы радовались каждому поражению Дибича, не верили неудачам поляков...» Но за спорами западников и славянофилов в столичных салонах, предлагавших свои — весьма различные — пути либерализации существовавшего строя, стояла масса «героев своего времени», не представлявших себе иной жизни и иных порядков.

Вдали от столицы интеллектуальные споры заменялись более простыми развлечениями, которые потом вспоминали люди николаевской эпохи: «...ездили друг к другу в гости по грязи верхом на обывателях из евреев, стреляли в них клюквой, провинившемуся перед ни-

ми статскому мазали лицо горчицей или заставляли вышить смесь вина с пивом, уксусом и елеем».

«Утром от нечего делать идем (не по службе) в манеж смотреть смены. Из манежа отправляемся на квартиру эскадронного командира. Там на столе уже приготовлены кильки, доставленные полковым маркитантом Мошкой, ветчина туземного изготовления, яйца и очень объемистый графин водки, пастоенной на каких-нибудь корках. Любезный хозяин, приглашая гостей закусить, говорит немецкую поговорку, которая гласит, что один шнапс это не шнапс, два шнапса также не шнапс и только три шнапса составляют полишнапса. Молодежь, слушая такие остроумные речи, поучается, и графин опорожняется живо. Так проходит время обеда. Ровно в два часа денщик ставит на стол борщ из курицы, потом дает рубленые котлеты и неизбежные сырники или блинчики. Гости кушают с большим аппетитом, то и дело прикладываясь к графину. После сытного обеда является потребность отдохновения. Все расходятся по квартирам до чая; вечером снова идут к эскадронному командиру. Там устраивается пулька в преферанс... Молодежь группируется около другого столика, на котором красуется объемистая баклага белого рома. Разговоры идут, разумеется, о «бердичевских временах», когда существовали гусарские дивизии, молодецких попойках, шалостях, лихих атаках, дуэлях и т. д. ...М. рассказывал, в чем заключается игра в кукушку. Гусары бросали жребий: кому быть стрелком, кому кукушками. Стрелок становился среди темной комнаты с заряженным пистолетом в руках, остальные крались по стенам и кричали <<куку». При этом слове раздавался выстрел, но представлявший кукушку, крикнув <<куку», спешил перебежать на другое место; таким образом, несчастные случаи бывали редко, а если они случались, то их относили к простой неосторожности и дело кончалось ничем. Так изумительно однообразно проходили наши дни. Читать книги или газеты не было в обыкновении» (Попов Н.А. Воспоминания кавалериста //Исторический вестник. 1891. № Ц. С. 370-379).

Мнение большинства выразил Н.М. Карамзин, используя аргументы из теорий «века Просвещения». В статье 1802 г. «Приятные виды, надежды и желания нашего времени» он писал: «Чужестранные писатели, которые непрестанно кричат, что земледельцы у нас несчастливы, удивились бы, если бы могли видеть их возрастающую промышленность и богатства многих так называемых «рабов»,.. Просвещение истребляет «злоупотребления» господской власти, которая по нашим законам не есть тиранская и неограниченная. Российский дворянин дает Игужную землю крестьянам своим, бывает их защитником в гражданском отношении, помощником в бедствиях случая и природы — вот его обязанность! За это требует от них половины рабочих недель — его право!» Основная масса провинциального дворянства считала так и в середине XIX в.

Шаги к катастрофе

Вначале на Николая возлагались в обществе большие надежды. Лучшие умы России, и Пушкин в том числе, сравнивали его с Петром. «Ничтожности... замыслов и средств» декабристов Пушкин противопоставлял просвещение нации, прогресс, осуществляемые «сверху», утверждал идею созидательной роли императорской власти в России и ее программу: «Правительство действует или намерено действовать в смысле европейского Просвещения. Ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных — вот великие предметы», — писал он в 1830 г. По мысли поэта, «просвещенная свобода» включала сотрудничество с правительством и личную инициативу дворянства в создании гражданского общества. Его условиями должны были стать «семейственная неприкосновенность» и «гласность», благодаря которым «образуется и уважение к личной чести гражданина, и возрастает могущество общего мнения, на котором в просвещенном народе основана чистота его нравов».

Так предполагалось совместить ценности западного Просвещения и либерализма с отечественной политической реальностью. Получилось иначе. Николай был достаточно осторожен и умен, чтобы игнорировать проявившееся в 1825 г. общественное движение или не замечать недостатков в работе государственной машины. Он даже прика-

зал составить резюме допросов своих «друзей 14 декабря» с критикой существовавших порядков, так называемый «Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства»; часто просматривал его и находил «много дельного». Эти материалы даны были в наставление комитету, учрежденному 6 декабря 1826 г., чтобы он мог «извлечь из сих сведений возможную пользу при трудах своих», суть которых царь видел в том, чтобы выяснить, «что ныне хорошо, чего оставить нельзя и чем заменить».

Так, Сенат предполагалось разделить на Сенат судебный и Сенат правительствующий; предлагались меры по усилению контроля за деятельностью местных органов, по ограждению дворянского сословия «от неприятного ему и вредного государству прилива разночинцев». Помимо «Комитета 6 декабря», была создана «Собственная Его Императорского Величества Канцелярия». Ее Николай превратил в особый высший орган власти, стоявший над всем государственным аппаратом и позволявший монарху контролировать его и вмешиваться в решение любых дел.

Первое отделение канцелярии стало всероссийским «отделом кадров»: здесь были сосредоточены дела по определению на службу, производству в чины, перемещению и увольнению всех чиновников империи. Сам Николай заявлял: «Я желаю знать всех моих чиновников, как я знаю всех офицеров моей армии».

Второму отделению была поручена задача систематизации законов, впервые после Соборного уложения 1649 г. успешно завершённая. В результате появились «Полное собрание законов Российской империи» и включавший только действовавшие нормы «Свод законов» (1833), использовавшиеся с изменениями и дополнениями до 1917 г. Новый свод должен был юридически закрепить основы государственного и общественного строя России. Появился и первый в России уголовный кодекс — «Уложение о наказаниях уголовных».

Третье, наиболее известное, отделение представляло собой политическую полицию со своим исполнительным аппаратом — Отдельным корпусом жандармов (200 офицеров и 5000 рядовых), части которого были размещены по жандармским округам. В сферу ведения «высшей полиции» входил широкий круг вопросов — от контрразведки до театральной цензуры и должностных преступлений чиновников. По замыслу создателей, Третье отделение должно было стать не тайным обществом шпионов, а официальным и «всеми уважаемым»

органом верховной власти и надзора. Поэтому на службу туда приглашали и бывшего декабриста генерала М.Ф. Орлова, и самого Пушкина. Еще одной задачей ведомства был сбор информации о положении в стране, настроениях различных классов и групп населения.

Четвертое отделение ведало женскими учебными заведениями и системой социального обеспечения — воспитательными домами, больницами, инвалидными и странноприимными домами. Ему же подчинялись кредитные учреждения (Ссудные и Сохранные казны), выдававшие займы помещикам под залог их имений.

Пятое отделение проводило реформу управления государственными крестьянами, а шестое занималось созданием системы управления на самой беспокойной окраине — Кавказе.

Стиль царствования задавал император. В первом часу дня, невзирая на погоду, он отправлялся, если не было назначено военного учения, смотра или парада, инспектировать учебные заведения, казармы и прочие «присутственные места». Во время таких визитов царь вникал во все подробности и никогда не покидал учреждения без замечаний, а то и грозных разносов нерадивым чиновникам. Он полагал, что в России чиновников «более чем требуется для успеха службы», и «весьма многие [из них] остаются праздными, считаясь для одной формы на службе, шатаясь по гуляньям и в публичных местах от праздности...».

Внезапно появившийся из-за угла царь мог «подловить» небрежно несущего караульную службу часового, а то и лично пресечь нарушение порядка. «Соскочить немедленно из саней; вбежать самому в кабак, вытолкать оттуда, собственноручно, провинившихся; по возвращении во дворец послать за кн. Меншиковым и военным генерал-губернатором — все это было для государя делом минутной решимости», — восхищался барон Корф поимкой Николаем двух загулявших матросов, которые безуспешно пытались скрыться от бдительного царского глаза в питейном заведении.

Николай искренне боролся со злоупотреблениями. Но, похоже, не представлял себе, что это можно делать иначе, чем усилением начальственного контроля; что возможно устройство общества без повседневной и всепроникающей государственной опеки. Царь верил в то, что можно раз и навсегда навести идеальный порядок — но только путем назначения строгих начальников, создания новых министерств и ведомств, секретных комитетов.

Образцом идеально устроенного общества для него являлась армия: «Здесь порядок, строгая безусловная законность (царь имел в виду параграфы воинского устава. — *Авт.*), никакого всезнайства и противоречия, все вытекает одно из другого». Поэтому при Николае I половина министров, членов Государственного совета и губернаторов были генералами, даже обер-прокурором Синода был назначен гусарский полковник. Целые отрасли управления получили военное устройство: горное и лесное ведомства, сеть путей сообщений. В каждом губернском городе был расположен батальон Корпуса внутренней стражи для охраны тюрем, арестантов и водворения «тишины и спокойствия». Одновременно Николай стремился сохранить дворянский характер высшей гражданской бюрократии и офицерского корпуса, поэтому в 1845 г. право на получение потомственного дворянства стало даваться только с VI класса Табели о рангах (чина полковника). Был запрещен прием на государственную службу лиц из податных сословий.

Кроме того, Николай оставлял за собой право на решение любого дела и тратил время на то, чтобы вникать в мелочи повседневности, вплоть до покроя платьев придворных дам. Регламентировался повседневный быт: запрещалось курить на улицах, высочайше предписывались прически для служащих и офицеров и маскарадные костюмы. Даже для чинов полиции была разработана особая инструкция с перечнем состояния задержанных гуляк: «бесчувственный, растерзанный и дикий, буйно пьяный, просто пьяный, веселый, почти трезвый, жаждущий опохмелиться...». Светская и духовная цензура искореняла любые проявления вольномыслия; в газетах и журналах той поры не упоминалась, вероятно, половина известных нам по всем учебникам событий той поры: голодные годы, массовые эпидемии холеры (от нее только в 1848 г. умерло 668 тыс. человек), восстания в России и революции в странах Европы. Борьба с вольномыслием логично завершилась циркуляром министра внутренних дел 1854 г., категорически запретившим печатные «похвалы и одобрения действиям и намерениям его императорского величества», чтобы никто не подумал о самой возможности неодобрения.

Императора, несомненно, всю жизнь одолевала подозрительность по отношению к тому самому просвещенному дворянству, роль которого в создании гражданского общества подчеркивал Пушкин. Ведь 14 декабря Николай I столкнулся не с мирными реформаторами, а с

военным заговором, имевшим целью «истребление императорской фамилии». Царские опасения умело использовали казенные патриоты, демонстрировавшие преданность в сочетании с отсутствием вредных (и вообще каких-либо чуждых начальству) идей и изящными доносами на излишне самостоятельных и вольно мыслящих.

«Все, что есть дерзкого, буйного, вольнодумного, революционного между молодыми людьми, покровительствуется партией Карамзина и Муравьева, и, к удивлению всех, от вступления на престол императора Николая юноши, которые даже в своем кругу почитались дерзкими и опасными, получили в два, три года по несколько чинов и орденов и заняли важные места...

Правительство, будучи всегда окружено этими людьми и веря в усердие, в благодарность за милости, никогда не обращало внимание на то, чтобы противодействовать влиянию партии на общее мнение и, напротив, увлеклось духом сей партии. Она ныне известна под именем патриотов. Правительство ищет только тайных обществ. Но их не будет более. Форма действий общества изменилась, и оно действует явно, открыто к овладению общественным мнением и всеми важными местами.. Символом веры членов сей партии есть, что русское дворянство столь же зрело к свободным формам правления, как и французы, что мужики русские умнее и смысленнее французских и достойны быть свободными», ~ пугал царя в 1830 г. Фаддей Булгарин в одной из своих многочисленных записок в III Отделение (Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III Отделение. М., 1998. С. 393-394).

Итоги были печальны. «Говоря совершенно откровенно, и я, как большая часть современного молодого поколения, не сочувствовал тогдашнему режиму, в основании которого лежали административный произвол, полицейский гнет, строгий формализм. В большей части государственных мер, принимавшихся в царствование Николая, преобладала полицейская точка зрения, то есть забота о сохранении порядка и дисциплины. Отсюда проистекали и подавление личности, и крайнее стеснение свободы во всех проявлениях жизни, в науке, ис-

кусстве, слове, печати. Даже в деле военном, которым император занимался с таким страстным увлечением, преобладала та же забота о порядке и дисциплине: гонялись не за существенным благоустройством войска, не за приспособлением его к боевому назначению, а за внешней только стройностью, за блестящим видом на парадах, педантическим соблюдением бесчисленных, мелочных формальностей, притупляющих человеческий рассудок и убивающих истинный воинский дух», — такую оценку николаевской эпохе дал историк и военный министр при Александре II Дмитрий Милютин. «Социальный заказ» давал и соответствующих исполнителей.

«Шагистику всю и фрунтовистику, как есть, поглотил целиком! Бывало, церемониальным маршем перед начальством проходишь, так все до одной жилки в теле почтение ему выражают, а о правильности темпа в шаге, о плавности поворота глаз направо, налево, о бодрости вида — и говорить нечего! Идешь это перед ротой, точно одно туловище с ногами вперед идет, а глаза-то так от генерала и не отрываются! Сам-то все вперед идешь, а лицом-то все на него глядишь. Со стороны посмотришь, истинно думаю, должно было казаться, что голова на затылке. А нынче что? Ну кто нынче ухитрится ногу с носком в прямую линию горизонтально так вытянуть, что носок так тебе и выражает, что вот, мол, до последней капли крови готов за царя и Отечество живот положить!» (Эпоха Николая I в воспоминаниях и свидетельствах его современников. М., 2001. С. 122).

Польское восстание явно ускорило конец «Комитета 6 декабря»: формально он прекратил свою деятельность в начале 1832 г. Создание системы ведомств привело к увеличению числа чиновников к середине XIX в. в 5 раз (с 15 до 74 тыс. человек). При этом все решения принимались в центре — в министерствах и Главных управлениях; например, постройка в любом городе России двухэтажного дома с числом окон более семи требовала утверждения проекта в Петербурге самим императором.

Максимальная централизация управления и бюрократический контроль оказались неэффективными: владеющий информацией на месте чиновник не мог принять решение, а министр или император не

могли знать существа дела, знакомясь с ним только по чиновничьим докладам. Даже во время Крымской войны Николай I из Петербурга отдавал приказы полкам и батальонам, стоявшим под Севастополем. Разросшийся аппарат был некомпетентным и неповоротливым, породил огромную переписку и коррупцию.

«Всепопданнейшие отчеты» Третьего отделения не могли порадовать царя состоянием дел: Министерство юстиции — «учреждение, где посредством денег всякая неправда делается правдою»; морской министр Моллер — «вор»; министр внутренних дел Закревский — «деятелен и враг хищений, но совершенный невежда»; министр народного просвещения Ливен — «неспособен к управлению, не имеет достаточно просвещения». А чиновничество в целом жандармы характеризовали так: «Хищения, подлоги, превратное толкование законов — вот их ремесло. К несчастью они-то и правят... так как им известны все тонкости бюрократической системы». Даже в любимом Николаем военном ведомстве двое из каждых пяти рекрутов умирали не от ран, а от болезней, а ушлые чиновники ухитрились разворовать весь пенсионный фонд для инвалидов войны.

Ставка на ревностных исполнителей привела к тому, что среди бюрократии второй четверти XIX в. умные и образованные администраторы были редкостью. Костромской губернатор, генерал-майор И.В. Каменский получил прозвище «Иван Грозный» за то, что выбил зубы своему правителю канцелярии, и был смещен после избияния вице-губернатора. Нижегородский губернатор В.И. Кривцов регулярно колол ямщиков и станционных смотрителей за «медленную езду», а собственных подчиненных аттестовал «скотами, ослами, телятами».

Прочее местное начальство в невероятных размерах брало взятки и совершало всевозможные злоупотребления. Когда же являлись ревизоры из Петербурга, то порой приходилось отрешать от должности чиновников поголовно. Или признавать невозможность расследования: так дела курской гражданской палаты перед сенатской ревизией в 1850 г. специально были потоплены в реке. Чиновники откровенно смотрели на службу, как на «кормление»; интересы больших и маленьких «столоначальников» сосредоточивались исключительно на служебных наградах и перемещениях, картах, вечеринках с музыкой, танцами, попойками, чтением романов Поль де Кока.

Первого января 1827 г. в Таврическом дворце был устроен бал, где восторг вызвали платья императрицы и ее придворных дам, оде-

тых в древнерусские сарафаны и кокошники. Император мечтал о национальном стиле в жизни и архитектуре, который призван был объединить народ вокруг государя и предотвратить брожение умов. Молодой архитектор К. Тон представил на конкурс проект гигантского храма-памятника Отечественной войне 1812 г. в новом стиле — смеси древнерусского с византийским — и стал победителем.

В театре и в печати восхвалялась сила русского оружия. Краеугольным камнем идеологии николаевского царствования стала мысль о превосходстве православной и самодержавной России над «гибнущим Западом». Эта мысль лежала в основе доклада Николаю I министра народного просвещения С.С. Уварова, где провозглашалась официальная доктрина царствования: православие («искренно и глубоко привязанный к церкви отцов своих, русский искони взирал на нее как на залог счастья общественного и семейственного. Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть»), самодержавие («самодержавие составляет главное условие политического существования России») и народность («довольно, если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий»), определение которых свелось к терпению и послушанию властям.

В 1839 г. вышел официальный учебник истории Н.Г. Устрялова. Его автор осмелился спорить с непререкаемым авторитетом Н.М. Карамзина, который выделял особые периоды древней, средней и новой русской истории. Устрялов же доказывал, что никакой «средней» истории не было и никаких принципиальных изменений при Иване III не произошло. Россия перешла из древней сразу в новую историю и не знала никакого феодализма — «европейского зла». Карамзин оплакивал гибель самодержавия в эпоху раздробленности; Устрялов видел только «конфедерацию самодержцев», принадлежавших к одному роду — что и соединяло все части русской земли в одно целое.

Патриотические драмы Нестора Кукольника, такие как «Рука всевышнего отечество спасла» или «Прокопий Ляпунов», собирали аншлаги. Но они были еще вполне художественными по сравнению с «сибирской сказкой» Н.А. Полевого «Комедия о войне Федосьи Сидоровны с китайцами с пением и танцами». В ней одна русская баба «побивает ухватом и кочергою 60 000 китайцев, которые все представлены трусами, дураками и шутами... В первом акте есть превосходное место о достоинстве русского кулака, которому много и крепко рукоплескали зрители».

Достоинства скоро воплотились на практике: в 1849 г. Николай I послал русскую армию на подавление национально-освободительного движения в Венгрии. Военное могущество скоро привело к захватывающим дух проектам. «Россия защищает не собственные интересы, а великий принцип власти... Но если власть (на Западе) окажется неспособной к дальнейшему существованию, Россия будет обязана во имя того же принципа взять власть в свои руки», — пропюзирировал поэт и дипломат Ф.И. Тютчев. Лишь два факта, по его мнению, могут «открыть Европе новую эру. Эти два факта суть: 1) окончательное образование великой православной Империи, законной Империи Востока, одним словом, России будущего, осуществленное поглощением Австрии и возвращением Константинополя; 2) воссоединение двух церквей, восточной и западной. Эти два факта, по правде сказать, составляют один: православный император в Константинополе, повелитель и покровитель Италии и Рима; православный папа в Риме, подданный императора».

Весной 1853 г. Николай уже был уверен: «Думаю, что сильная экспедиция, с помощью флота, прямо в Босфор и Царьград, может решить дело весьма скоро. Ежели флот в состоянии поднять в один раз 16 000 человек с 32 полевыми орудиями, при двух сотнях казаков, то сего достаточно, чтобы при неожиданном появлении не только овладеть Босфором, но и самим Царьградом».

Но к большой европейской войне Россия не подготовилась совершенно — ни в военном, ни в финансовом отношении. Проведенная в 1839 г. министром финансов Е.Ф. Канкриным денежная реформа ввела твердый курс бумажных денег: соотношение серебра и кредитных билетов было установлено как 1:3,5. Но огромные военные расходы привели к тому, что в 1849 г. Николай лично сфальсифицировал бюджет и скрыл от своего Государственного совета дефицит в 38,5 млн рублей. Великая империя на деле уже была неспособна воевать без иностранных займов (1828, 1831, 1832, 1840, 1842, 1849, 1854) у голландских, немецких и английских банкиров.

Амбиции Николая I скоро привели к войне. В 1853 г. император обратился к английскому послу в Петербурге с предложением о разделе Турции: под протекторат России должны были перейти Валахия, Сербия и Болгария, а англичане получали бы Египет. После отказа Англии Николай I был все же настолько уверен в своих силах, что ввел войска в Дунайские княжества; он не понимал, что европейские

державы не допустят расчленения Турции и утверждения русского господства над проливами и на Балканах. Русские дипломаты «прозевали» образование союза Англии и Франции и фактическое подключение к нему Австрии, которую русский император считал своей верной союзницей. В январе 1854 г. соединенный флот Англии и Франции вошел в Черное море, и Россия оказалась в международной изоляции; Крымская война была проиграна еще до ее начала. Но что бы произошло, если бы Николай смог ее выиграть?

Подробнее на эту тему:

Высочков В.Л. Император Николай I: человек и государь. СПб., 2003.

Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993.

Эпоха Николая I в воспоминаниях и свидетельствах его современников. М., 2001.

Янов А.Л. Россия против России. Очерки истории русского национализма 1825-1921. Новосибирск, 1999.